

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ КОНЦА XX в.

Статья выполнена в рамках проекта МИОН ТГУ «Ностальгия по советскому» К 017-2-01/2005.

Рассматриваются формы присутствия ностальгического дискурса в литературной критике 1990-х гг., а также условия, породившие ретроспективный ностальгический взгляд. Материалом исследования послужили литературно-критические публикации либеральных и консервативных «толстых» журналов.

Ключевые слова: литературная критика; интерпретация; «толстый» журнал; прагматика; ностальгия; дискурс.

Феномен ностальгии по советскому, проявившийся в повседневной жизни современного человека на рубеже 1990–2000-х гг., уже стал объектом междисциплинарного изучения. В исследованиях С. Бойм [1], Е. Широковой [2], Е. Шестопал [3], А. Малинкина [4] видимые ностальгические настроения интерпретируются с точки зрения психологии, социологии. Ностальгия по советскому связывается в них с новейшим временем. Однако данный тип ностальгического дискурса в литературной критике «толстых» журналов постсоветского времени оформляется уже в 1992–1993 гг. Казалось бы, не сформировалась даже минимальная временная дистанция, которая могла бы «вызвать» ностальгические настроения, поэтому его появление в начале 1990-х гг. противоречило тенденции «разоблачения» советского: процессу обновления модели литературно-критической деятельности путем отсечения типичных «советских» ее проявлений; негативному варианту идентичности, свойственному метакритике начала 1990-х гг.; «реставрационной» стратегии, направленной на разрушение тех проявлений сознания читателя, которые генетически восходят к советской ментальности. Следовательно, в самих обстоятельствах функционирования критики сформировались некие условия, которые породили ретроспективный ностальгический взгляд. Выявление этих условий, а также анализ форм проявления ностальгии по советскому являются целью данной статьи, материалом которой послужили литературно-критические публикации либеральных и консервативных «толстых» журналов.

Условия появления и распространения ностальгии по советскому в критике 1990-х гг. связаны и с общекультурной ситуацией в целом, и с обстоятельствами функционирования критики. Условно их можно обозначить как факторы «статуса», «возраста» и «отставания».

Фактор «статуса». Как известно, в 1993 г. происходит обвал журнальных тиражей, критика теряет многотысячного читателя, утрачивает статус инстанции, направляющей общественное мнение, идеологического стержня «толстого» журнала. Метакритика фиксирует кризис жанра, самоидентификации: настоящее кризисно, будущее бесперспективно. В этих обстоятельствах критическое зрение направляется в прошлое (в выборе этого направления срабатывает своего рода инстинкт самосохранения). Недалекое советское прошлое ассоциируется с былым авторитетным статусом. «Припоминание» былых заслуг может быть определено как одна из форм ностальгии, позволяющая ослабить кризис самоидентичности.

Фактор «возраста». Период 1990-х гг. становится временем «взросления» того поколения критиков, которое появилось на волне перестройки. Этап их молодости – максималистского самоутверждения, борьбы с советским в политике, в эстетике с «отцами» – пришелся на 1980-е гг. Быстро «взрослея» под влиянием исторических событий, в 1990-е гг. они теряют максимализм в оценках прошлого, пафос отрицания, испытывают потребность в том, чтобы вернуться в прошлое, проанализировать литературные явления заново, находясь в позиции «извне».

Фактор «отставания». Литературное поле новейшей прозы и поэзии в 1990-е гг. не осваивается критикой адекватно ни количественно, ни качественно (уже к концу 1990-х – началу 2000-х гг. критикой остро ставится проблема «белых пятен» в литературном процессе, «забывания»). Критика, гносеологически восходящая к социологическому типу интерпретации, в 1990-е гг. начинает не совпадать гносеологически с новой литературной практикой. Как следствие – предпочтение как «своей» литературы позднего советского периода, «возвращенной» литературы. Так, С. Костырко утверждает: «Именно она (критика. – Ю.Г.) приняла на себя первый удар изменяющихся отношений читателя с литературой, – критике приходится перестраиваться на ходу, ибо наработанные ею за десятилетия методы и навыки принципиально неприменимы к тому, что зовется литературой сегодня. До последнего времени критика опиралась на достаточно отлаженную систему представлений о литературе – о ее месте в обществе, ее задачах, специфике...» [5]. М. Берг в статье «О литературной борьбе» замечает: «<...> я констатирую удручающую меня неэффективность литературно-критического анализа. <...> Попытки осмысления реальной литературы либо оказывались безрезультатными, либо не замечались, и в любом случае не достигали своей цели – установления литературного диалога» [6. С. 184]. Л. Березовчук причину вступления писателей на ниву критики видит в беспомощности профессиональной критики с ее устаревшим подходом к интерпретации: «юная критическая поросль, ничем от своих “отцов” не отличающаяся, опять взялась за старое» [7].

Результатом осознаваемой беспомощности в понимании современной литературы становится уход критики от анализа отдельных произведений к обнаружению тенденций, осмыслению «возвращенной» или официально-оппозиционной литературы. Такую «перенастройку» критики в сторону советского литературного периода можно рассматривать как одну из форм ностальгии. Так, А. Агеев, говоря о критике 1993–

1994 г., пишет: «Чем она вообще занимается, наша критика? По-моему, она в существенной своей части впала в мучительную ностальгию по семидесятым годам» [8. С. 182]. Автор имеет в виду количество публикаций о современной литературе по сравнению с посвященными классике.

Кроме перечисленных факторов, обусловивших проявление ностальгического дискурса в литературной критике, в 1990-е гг. складываются предпосылки социально-психологического характера: читатель утрачивает идеологическую, национальную идентичность, ощущает неподлинность, непрочность настоящего. В этих обстоятельствах появляется обращение к советскому – это и тоска по былой жизненной устойчивости, центру.

Ностальгия по советскому проявляется в период, когда критик ощущает необходимость в поиске новой идентичности, центрирующих основ. В 1990–1992 гг. распространенной становится негативная идентичность, оформляющаяся вопреки советскому. После 1992 г. на смену ей приходят две тенденции: констатация и анализ ситуации кризиса идентичности; поиски новой идентичности. Вторая тенденция представлена в толстожурнальной критике (и в метакритике, и в практике интерпретации литературных явлений) следующими стратегиями преодоления кризиса: формирование новой идентичности посредством отвержения «чуждого» (молодой, газетной, старой критики); конструирование новой модели критики, предполагающей изменение статуса критика (наблюдатель, аналитик, патриот-борец, провокатор, литератор, медиатор, комментатор); формирование новой идентичности посредством приложения прошлых моделей критики и критика. В последнем случае и обнаруживается ностальгический дискурс.

Ностальгия как тип формирования идентичности проявляется в двух вариантах. Первый характерен для старшего поколения критиков, в чьем сознании живы идеологические (в широком смысле) ориентиры – отвержение новых обстоятельств функционирования, реставрация прошлого героического образа. Ностальгия здесь идет рука об руку с патетикой протеста и имеет воинственный характер. Так, в статье С. Рассадина «Освобождение от свободы» [12] каждая новая негативная характеристика сознания молодого поколения литераторов-восьмидесятников возникает в противоположность тому ценному, что присутствовало в поколении старшем, состоявшемся.

Второй вариант формирования идентичности посредством обращения к советскому прошлому не отвергает нового, но ориентирован на поиск в прошлом жизнеспособного, ценного (характерен для статей С. Чупринина).

Ностальгия по советскому – это означивание вещей, событий, переживаний советского времени как ценных в данный момент. Знаки советского прошлого находятся в своего рода «культурном архиве». Они не репрезентативны, не отражают реальную действительность, но вдруг совпали с ожиданиями и были востребованы современным человеком. Совпало и сократило хронологическую дистанцию нечто, утраченное в 1990-е гг. и переживаемое как утраченное ценное «здесь и сейчас». Ностальгия в таком случае – общекультурный ретро-

спективный процесс означивания явлений прошлого как ценного в исторической перспективе. Таким утраченным ценным, как было показано, явился прежний статус критика, ощущение устойчивой идентичности, которой способствовали твердая идеологическая позиция (официальная или оппозиционная), методология, гарантировавшая адекватное целеустановке познание литературного явления, принадлежность тому или иному журналу с его идейной и гносеологической установкой, ощущение востребованности, собственной значимости в глазах аудитории, героическая роль медиатора авторской интенции, переводчика с эзопова языка. В 1990-е гг. эти факторы перестают действовать. Начинает формироваться новая гносеология, не навязываемая сверху, но и не дающая ощущения устойчивости, искомой прочной идентичности.

Формы проявления ностальгии в литературно-критических текстах разнообразны. Наиболее распространенными являются следующие.

Воспоминания о времени молодости. Ряд психологов именно тоской по детству/юности объясняют сущность феномена ностальгии. Пример ностальгического «возвращения» в прошлое обнаруживается в статье С. Чупринина «Элегия»: «В те баснословные времена я и сам ощущал себя прежде всего действующим, практически (да вдобавок еще возмутительно молодым) критиком <...> снег в юности был, безусловно, чище, сахар – слаще, а профессия – значительнее» [9. С. 185].

Время советской молодости в воспоминаниях литературных критиков – это всегда время жизненно важных, ценностных открытий, которые определяют всю последующую жизнь, в том числе профессиональную деятельность. Так, М. Берг вспоминает о своей статье начала 1980-х гг. «Новый жанр» как результат осмысления отличия «хороших писателей моего поколения от хороших писателей-предшественников» [6. С. 186], признания первых «своими», преодоления «перепутья» и увлечения неофициальной, неконформистской самиздатской литературой. Этот выбор, по мысли автора, определил его эстетические координаты и направление изучения литературы XX в. в будущем. Л. Березовчук, возвращаясь в своей памяти в детство, находит объяснение ощущаемого ею «конфликта письменного фиксированного текста и живой устной речи», «самостоятельности речевой практики от языковых стандартов» [7], восприятия поэтического текста на слух – тех особенностей рецепции текста и его порождения, которые свойственны ей как поэту сегодня. В приведенных высказываниях источник ценного «здесь и сейчас» обнаруживается в прошлом. Это пример невоинственной, элегической ностальгии.

Другой формой проявления ностальгического дискурса является «возвращение» в прошлое с целью осмыслить его в ситуации «извне». Позиция «внутри картины», по мнению Н. Ивановой, не может считаться объективной, поскольку в прошлом сознанием что-то «убиралось (сознательно или подсознательно) <...> важен был факт появления текста, его, текста, внутреннее послание <...> теперь – контекст...» [10. С. 210]. Н. Иванова – критик, которому не свойственна идеализирующая ностальгия по советскому. Однако если рассматривать ностальгию как явление, охватывающее все

множество форм возвращения к прошлому, вызванное той или иной социопсихологической потребностью, то в статье «Прошедшее несовершенное» обнаруживаются следы ностальгического дискурса. Возвращаясь в период начала перестройки (в 1986 г.), последовательно реконструируя политические и культурные события года, критик видит их глазами человека, живущего спустя десятилетие, акцентирует внимание на тех событиях, которые определили современное положение общества и литературы. Опыт реконструкции Н. Ивановой – тип аналитической ностальгии.

Подобная потребность вернуться в прошлое, чтобы скорректировать свои прежние литературные впечатления, прежние понимание отдельных текстов литературы периода «застоя», лежит в основе статьи М. Липовецкого «Современность тому назад». Эта потребность имеет экзистенциальную первопричину, о ней говорит сам автор: «<...> я предупреждал, что пишу не историю литературы, а, в лучшем случае, пытаюсь оформить свои отношения с этой самой историей»; «это моя история, мой ценностный ряд» [11. С. 180, 188]. Несмотря на то, что критик формулирует свою задачу как «взгляд на литературу “застоя” в том виде, в каком она т о г д а (разрядка автора. – Ю.Г.) существовала <...> без Солженицына, без сам- и там-издата, без много другого, что, собственно, и изменило наше (мое) зрение, что и отличает сегодняшней взгляд от тогдашнего» [11. С. 180], взгляд критика – это взгляд из современности, взгляд человека, для которого актуальна та экзистенциальная проблема, о которой было сказано выше. Перед нами не реконструкция прежнего опыта восприятия, но попытка соединить в своем сознании прошлое и настоящее вопреки существующему в начале 1990-х гг. дискурсу «похорон советской литературы». М. Липовецкий задается вопросом, почему почвенно-природная опора «деревенщиков», либеральная программа социальной прозы пережили крах, почему воспринятой литературой оказалась неиерархическая модель мира Ю. Трифонова, отменяющая «привычные формы вертикальной теологии» [11. С. 187]. Эти вопросы тоже входят в важный для критика процесс самопонимания, осмысления своих отношений с историей. М. Липовецкий возвращается в прошлое в поисках опоры, она, по мнению критика, в художественном виде подсказана Ю. Трифоновым. Осмысление критиком ситуации поиска в литературе застоя, таким образом, это и самоосмысление. Ностальгия данного типа – это форма понимания и самопонимания, форма онтологического утверждения себя, своего присутствия.

Тоска по прежним ценностям как форма ностальгии по советскому. В процессе поиска ценностного ориентира критик в 1990-е гг. снимает позднее негативное означивание прошлых ценностей, акцентирует положительное, перекодирует нейтральное в положительное. В результате формируется такой образ советского прошлого, в котором сглаживаются или редуцируются негативные проявления (не вспоминается цензура, несвобода, незнание, работа репрессивной машины). Критика осуществляет приращение положительных признаков, ассоциаций, эмоций к феномену советского. Так, советское называется временем истинной свободы. Например, С. Рассадина статье «Освобождение

от свободы» противопоставляет истинную свободу, борьбу за нее старшего поколения писателей изживучести и несвободе молодых; советский коллектив – современной журналистской «тусовке» («жалкое единогласие»), фантомность первого оказывается намного безобиднее безличной, воинственно несвободной советской официальной критики [12. С. 213]; пустоту официоза – «бесмысленному словоплетению» современного авангарда, еще более опасному («зловещему», по словам критика), поскольку развивается в постидеологическое время, время после отказа от официоза; принцип долженствования советского периода – отказу от исторической ответственности нынешних беспартийных.

Советское ассоциируется с настоящим искусством, которое родилось в противостоянии государственной машине (в статьях С. Рассадина, Л. Лазарева). В работе Л. Лазарева «Былое и небылицы» вводится оппозиция «тогда – теперь», в которой советское прошлое («тогда») ассоциируется с ложью, клеветой. Современная общественно-литературная ситуация («теперь»), по мысли Л. Лазарева, должна по логике исторических перемен демонстрировать свободу, возможность разоблачить клеветников, сказать правду. Однако критик разрушает оппозицию, фиксируя в сегодняшней критике тенденции прошлого. Таким образом, прием «отказного движения», сопрягаясь с прямыми параллелями с прошлой официозной традицией, усиливает прагматический эффект – создает необходимый автору эмоциональный фон для восприятия советского как времени надежд на правду. Оппозицию «тогда» – «теперь» выстраивает С. Чупринин в статье «Элегия», когда перечисляет добродетели, которые начинают отмирать в современной критике: взвешенность, ответственность суждений, их соотнесенность с общественной и литературной ситуацией, стремление к балансу объективности и субъективности в тоне, оценках [9. С. 190].

Настоящее в рассмотренных статьях представляется худшим вариантом советского прошлого. Негативные значения советского при обращении к нему редуцируются, но не исчезают в пределах статьи. Они оказываются актуальными в описании негативного настоящего, возвращаются как риторический прием в рамках прагматической программы критика. Средством формирования у читателя отвержения того или иного проявления современной литературной жизни становится аналогия с тоталитарным прошлым: с советскими реалиями, образом мысли, соцреалистической эстетикой. Так, в уже упомянутой статье С. Рассадина «Освобождение от свободы» содержится знаковая авторская оговорка: «<...> продолжается стыдливая имитация “школы”, “группы” <...> Чуть не сказал: “системы”, да почему бы и не сказать?» [12. С. 213]. Одним из главных названный прием становится для Л. Лазарева, который соотносит утверждения/стратегию своих оппонентов с соцреалистической, официозной традицией («почти так же, как это делалось нашей пропагандой все годы существования советской власти» [13. С. 185], «когда-то очень похожее я уже читал в партийной критике сталинских времен» [13. С. 193], «это мы тоже в прежние времена уже проходили и хорошо знаем, что в результате получается» [13. С. 195], «как это делали его бдительные партийные предшественники» [13. С. 197],

«как и их предшественники, они заняты каннибальским делом – закапывают в землю, хоронят живую литературу» [13. С. 199]). Использует его и П. Ткаченко. В статье «"Входите тесными вратами..." Военная литература в изменяющемся мире» современная военная проза прямо сравнивается им с советской официозной: «На смену "ортодоксальной" военно-патриотической литературе пришла литература обличительная, столь же далекая от действительной литературы, столь же запрограммированная на прикладные цели, но уже противоположные. <...> Она хотела быть антиподом литературы "ортодоксальной", на самом деле стала ее продолжением» [14. С. 205]. А в работе «Крещение без креста. Современная проза о несовременной армии» это сравнение приводит критика к следующему выводу: «Итак, патриотизм развенчан, армия заклеяна. Литература подменена коммерческим чтивом, художественный процесс разрушен. Совершенно то, на что не рисковал покушаться тоталитаризм» [15. С. 213].

Еще одна форма ностальгии по советскому встречается в текстах, модальность которых предполагает *на-фос защиты прошлого*. Один из способов «защиты» использует М. Липовецкий. В статье «Современность тому назад» критик «очищает» ту или иную реалию советского времени от эпитета «советский». Так, комментируя сцену собрания из «Плотницких рассказов», он пишет: «Это никакой не советский абсурд. Советская власть тут ни при чем. Это стихийный, вечный абсурд, органически укорененный в народной жизни» [11. С. 182]. В статье «Совок-блюз» М. Липовецкий ставит перед собой задачу «реабилитировать» в глазах читателя шестидесятников, негативный миф о которых сформировался на волне антисоветской моды. Он предлагает свой критерий – самосознание («в вопросах "диалектики поколений" решающим оказывается критерий самосознания» [16. С. 228]) и свой исследовательский принцип – историко-аналитический. Выстраивая духовную историю поколения, критик освобождает явление от признака советскости и переносит его на современников, страдающих болезнью «совка», которая проявляется в привычке искать врага.

Рассматриваемый тип ностальгии часто принимает в литературной критике воинственные формы, поддерживаемые стратегией разоблачения. Ее используют Л. Лазарев, разоблачая искажителей прошлого («Былое и небылицы» [13]), О. Павлов, резко критикуя противников советского («Метафизика русской прозы» [17]); С. Чупринин, ставящий молодым критикам диагноз утраты исторической памяти («Элегия» [9]).

Образ обличителя советского времени в ностальгическом дискурсе наделяется негативными чертами. Так, в статье Л. Лазарева «Без страха и упрека» присутствует следующий портрет: «Нынче с большой охотой и строгостью судят ушедшие времена и бывшие обстоятельства, обличают пороки и слабости людей той поры <...> Но как часто необходимой очистительной работе недостает нравственного фундамента <...>, потому что авторы беспощадных филиппик легко и снисходительно прощают себе то, за что клеймят и испепеляют других» [18. С. 191].

Такой тип ностальгии предполагает самоидентификацию по принципу «я знаю, как было на самом деле».

Ее след запечатлен в статье С. Чупринина «Элегия»: «Ей-богу, не знаю, что по этому поводу скажут те, кого там не стояло, но я-то помню...» [9. С. 186].

Ностальгия по прежнему статусу критика/журнала/писателя – самая распространенная форма ностальгии в литературной критике 1990-х гг. Годы героического журнального прошлого на фоне кризиса литературоцентризма приобретают в сознании критиков признаки идеального, мифологизируются. С. Чупринин, вспоминая поздний советский период, пишет: «Для читающего сословия критика была тогда всем. Почти всем» [9. С. 185], называет его «беспрецедентным в XX в. ренессансом литературно-критической мысли и литературно-критического искусства» [9. С. 186], а роль критики в это время – исторической. В статье «Перечень примет» критик называет советское время «богатырским периодом отечественной словесности, ушедшим в предание» [19. С. 188]. П. Басинский в позднем советском периоде видит «чудо» возрождения и возвращения литературы «в свой дом – в русский реализм» [20] и оценивает произведения Ю. Казакова, В. Шукшина, В. Распутина, написанные в этот период, выше целых эпох литературных исканий.

Героизирует советский период в жизни «толстых» журналов В. Новиков. В статье «Промежуточный финиш» [21] он представляет деятельность журналов советского времени как предвосхищающую многие политические перемены (форма политической многопартийности, освобождение от СП), имеющую большую степень воздействия. По контрасту с современным состоянием периодики образы редакторов отделов, пробивавших рискованные тексты, обретают ореол героев.

В критике молодых авторов советского прошлого ассоциируется со временем былого высокого статуса писателя/критика. Так, А. Злобина в статье «Драма драматургии» по контрасту с новейшим временем, когда «авторы газетных рецензий нередко забывают назвать автора пьесы», вспоминает ситуацию десятилетней давности, когда «Розов, Рошин, Зорин, Шатров, Гельман были значительными фигурами театрального мира» [22].

Фиксирование утраты тех или иных составляющих литературно-критической деятельности в процессе осмысления критикой новейших обстоятельств своего бытования также является одной из форм ностальгии. А. Агеев фиксирует утрату критикой профессиональной потребности в чтении, владении информацией о литературном процессе, угасание «безусловных прежде рефлексов российской читательской публики» [8. С. 180]. К. Степанян пишет об утрате у читателя и писателя былого «чувства радости от встречи с литературой» [23. С. 231]. В более ранней своей работе «Нужна ли нам литература?» критик констатирует неостребованность когда-то запрещенной литературы («но вот теперь оказывается, что тысячам людей, проходящих в день мимо киоска, книга эта не нужна?!») [24. С. 223]). Свою задачу в статье «Раскрепощение» В. Новиков видит в воспоминании о читательском опыте своего поколения, поколения семидесятников. Критик сравнивает этот опыт с читательским опытом современного человека, живущего в неподцензурный период, акцентируя внимание на более развитом критицизме, самостоятельности мысли, собственных «аргументах в за-

читу каждого оклеветанного писателя» читателя советского времени [25. С. 211]. Новый читатель, по мнению критика, иной, часто невосприимчивый, равнодушный, заинтересованный околотитулярным успехом. П. Ткаченко замечает «общее падение интереса к литературе и даже равнодушие к ней. Пал духовный тонус жизни. Давно ли мы передавали друг другу зачитанные номера журналов с новыми произведениями, давно ли запальчиво спорили о них? Увы, споры наши переместились совсем в иные сферы...» [14. С. 203].

Дополнительный эффект привлекательности прошлого создается посредством акцентирования негативного в настоящем. Сознательно или бессознательно советское в сознании читателя в результате получает позитивную окраску. Так, например, когда П. Ткаченко пишет о губительных последствиях современной армейской прозы, которая «участвовала в той глобальной “переоценке ценностей”, в результате которой высокие понятия патриотизма, долга, чести оказались осмеянными» [14. С. 205], автор и читатель предполагают, что эти высокие понятия были живы в литературе и общественном сознании в прошлом. О советском напрямую не говорится, но возникает эффект аналогии по контрасту.

Еще одной формой ностальгии можно считать *поэтизацию и героизацию судьбы того или иного писателя* в юбилейных статьях. Все персоналии, выбираемые критикой, – «положительные герои» своего времени, носители утверждаемых журналом ценностных доминант, оппозиционеры, личностное формирование которых проходило в советское время. Общая прагматическая компонента цели критика в рассматриваемых статьях – предложить читателю ценностный ориентир, представив его воплощение в образе того или иного писателя.

Помимо описанных форм и типов ностальгии, литературно-критический дискурс включает такие, которые не имеют вид вычленяемой в тексте рефлексии, но проявляются в общей структуре текста, в реализации гносеологических установок, имея вид актуальных в советское время способов интерпретации, коммуникации, установок мышления: стремление выстроить ценностную иерархию, оппозиции, претендуя на их общезначимость, постановка диагнозов, оценивание того или иного знака литературного поля в границах «свой» – «чужой», отсылка к авторитету, крайнее выражение автороцентризма, восходящее к распространенному в критике советского времени сведению интерпретации текста к оценке личности его автора, использование критерия полезности.

Многообразие форм проявления ностальгического дискурса в литературной критике 1990-х гг. свидетельствует о том, что обращение к советскому выполняет в это время, помимо прочего, роль гносеологического «костыля». Функционируя «внутри катастрофы по имени ПОСЛЕ» [26], критика ориентирована не на результат ностальгии, а на сам процесс припоминания, сравнения, сопоставления. В то же время ностальгический дискурс, преломленный в дискурсе литературно-критическом, обнаруживает гносеологический конфликт в самой критике, которая, с одной стороны, переживает переход к новой герменевтике, осваивает свой новый статус, обстоятельства функционирования «здесь и сейчас», а с другой – сознательно и неосознанно возвращается в прошлое с целью увидеть не увиденное, найти идентификационные опоры, использовать старые гносеологические схемы в ситуации отсутствия новых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойм С. Конец ностальгии? // Новое литературное обозрение. 1999. № 39.
2. Широкова Е. Социальная ностальгия как феномен духовной жизни общества: Дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Шестопал Е. Политическая психология. М.: Инфра М., 2002.
4. Малинкин А. Социальные общности и идея патриотизма // Социологический журнал. 1999. № 3–4.
5. Костырко С. Чистое поле литературы. Любительские заметки профессионального читателя // Новый мир. 1992. № 12.
6. Берг М. О литературной борьбе // Октябрь. 1993. № 2.
7. Березовчук Л. Естественный отбор // Октябрь. 2000. № 10.
8. Агеев А. Выхожу один я на дорогу // Знамя. 1994. № 11.
9. Чупринин С. Элегия // Знамя. 1994. № 6.
10. Иванова Н. Прошедшее несовершенное // Знамя. 1996. № 9.
11. Липовецкий М. Современность тому назад // Знамя. 1993. № 10.
12. Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11.
13. Лазарев Л. Былое и небылицы // Знамя. 1994. № 10.
14. Ткаченко П. «Входите тесными вратами...» Военная литература в изменяющемся мире // Наш современник. 1996. № 1.
15. Ткаченко П. Крещение без креста. Современная проза о несовременной армии // Молодая гвардия. 1995. № 5/6.
16. Липовецкий М. Сок-блюз // Знамя. 1993. № 10.
17. Павлов О. Метафизика русской прозы // Октябрь. 1998. № 1.
18. Лазарев Л. Без страха и упрека. Вспоминая и перечитывая Алеся Адамовича // Знамя. 1995. № 6.
19. Чупринин С. Перечень примет // Знамя. 1995. № 1.
20. Басинский П. Возвращение // Новый мир. 1993. № 11.
21. Новиков В. Промежуточный финиш // Знамя. 1992. № 9.
22. Злобина А. Драма драматургии // Новый мир. 1998. № 3.
23. Степанян К. Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. 1992. № 9.
24. Степанян К. Нужна ли нам литература? // Знамя. 1990. № 12.
25. Новиков В. Раскрепощение // Знамя. 1990. № 3.
26. Анкудинов К. Внутри после // Октябрь. 1998. № 4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2010 г.